

Александр Омелаев

**Сиф. Книга 6.
Любовь в зеркале.
Сиквел серии Сиф.**

Александр Омелаев

**Сиф. Книга 6. Любовь в
зеркале. Сиквел серии Сиф.**

«Автор»

2026

Омелаев А.

Сиф. Книга 6. Любовь в зеркале. Сиквел серии Сиф. /
А. Омелаев — «Автор», 2026

Александр родился в глухой сибирской деревушке в 1945 г. С детства был влюблён в небо и звёзды, и всю свою жизнь он строго подчинил одной цели – взлететь к звёздам. В детстве он стал чемпионом по авиамоделизму. В 1968 году окончил Авиационный институт. Стремился стать космонавтом, занимался парашютным и планерным спортом, но медики закрыли ему дорогу в космос. Все 40 лет работы в АН СССР, он раздвигал формулы скоростей от трансзвука до гиперзвука, а потом и до сверх света. Перед отъездом в Академгородок, на берегу Волги перед ним появляется прекрасная, полупрозрачная незнакомка с напутствием взлететь и так же неожиданно пропадает, оставив зеркальце. В зеркальце он видит не своё отражение, а живой клубящийся туман. И только иногда, в трудные моменты жизни в зеркальце он мельком видит её, получает от неё напутствия, поддержку и обещание встречи. Все эти 60 лет он делает всё возможное, чтобы раскрыть тайну зеркальца и своей возлюбленной.

© Омелаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Омелаев

Сиф. Книга 6. Любовь в зеркале. Сиквел серии Сиф.

Глава

Александр Омелаев

Сиф. Книга 6. Любовь в зеркале.
Сиквел серии Сиф.

Оглавление

1. Туман в зеркале 2
2. Любовь вне зеркала 20
3. Абракадабра 26
4. МАПовская закалка 32
5. Прорыв к маршалу 41
6. Посадка Старого Титана 47
7. Прощальная спираль 50
8. Туман медленно рассеивается 54
9. Парткомиссия 70
10. Председатель жилкомиссии 73
11. Маневр уклонения 80
12. Крейсер свободы 82
13. СКБ – государственное задание 90
14. Людмила 108
15. Партбилет на стол 112
16. Криогенный прорыв 115
17. АВАКС – наука выживания 124
18. Последний долг 131
19. Пространство камней и моря 133
20. Туман зеркала рассеялся 132
21. Заключение 142

Глава 1. Живой туман в зеркале.

К серии «Сиф»: *«Реальность — это лишь иллюзия, хотя и очень устойчивая»*

К роману «Любовь в зеркале»: *«Вы думаете, всё так просто? Да, всё просто. Но совсем не так».* (А. Эйнштейн).

Волга в этот вечер была ленивой и тяжелой, словно расплавленный свинец. Намытый половодьем песчаный мыс пах тиной, прелой ольхой и близкой грозой. На самом краю крутого берега, полузанесенная сухим скрипучим песком, лежала старая коряга — выбеленный ветрами и водой корень гигантского тополя, похожий на ребро доисторического ящера. Волга лениво катила свои темные, тяжелые воды, отражая первые робкие звезды. На старой, отполированной волнами коряге сидел молодой парень. В свои двадцать три года Александр успел

понять главное: земная жизнь устроена по законам, которые большинство считает незыблемыми, но которые на самом деле — лишь дорожные указатели на твоём жизненном пути. Тебе следует просто правильно понять их смысл и выбрать нужное направление. Ему никогда не были интересны обычные студенческие радости. Пока однокурсники по Казанскому Авиационному Институту бегали на танцы, спорили в пивных о политике или копили на чехословацкие туфли, всё его время занимала чистая скорость и раздумья о правильном векторе движения к выбранной цели.

В памяти вспыхнул рев мотора на раскисших трассах мотокросса. Глина летит из-под колес, руль бьет по рукам, траектория кажется безумной, но его мозг в этот момент работал как счетная машина. Он отсекал страх, оставляя только вектор движения. Потом был свист ветра в стропах парашюта. Шаг в бездну из раскрытой двери «Ан-2», секунды свободного падения, когда земля кажется плоским чертежом, и, наконец, звенящая, хрустальная тишина кабины планера. Там, в вышине, ловя тепловые потоки крылом, он чувствовал себя дома. А по ночам приходил сюда — считать звезды и чертить в блокноте формулы транзвуковых течений. Казанский Авиационный Институт дал ему диплом, но суть своего инженерного мышления — умение выбрасывать всё лишнее ради достижения поставленной цели он выковывал сам, в небе и на скоростных трассах мотокросса.

Он молча сидел на коряге, лениво перебирая пальцами мелкую гальку. За спиной, в паре километров, остался палаточный лагерь, рев мотоциклетных моторов и веселый гомон друзей по секции мотокросса. Сюда, к воде, он ушел за тишиной. Завтра — поезд. В кармане куртки плотным прямоугольником лежал диплом инженера – конструктора летательных аппаратов и направление на работу: Новосибирск, Академгородок, Академический институт, наука в области аэродинамики и газовой динамики создания аэрокосмических систем. Мечта о космосе обрела строгие контуры формул транзвукa, гиперзвукa, графиков и чертежей.

Он посмотрел на свои ладони — в ссадинах от гаечных ключей и вьезшей масляной отработки. Дорога сюда заняла двенадцать лет. Двенадцать лет, упрямой борьбы за право не только смотреть в небо, но и быть причастным к его покорению. Память охотно, как по щелчку тумблера, перенесла его назад — в начало пятидесятых. Глухая, отрезанная бездорожьем и горами от мира деревушка в горном Алтае. Бурный, ледяной Чарыш, ревущий на перекатах так, что закладывало уши. Ни дорог, ни нормально работающей связи, ни электрических столбов. Горы, тайга стеной, гужевого транспорт, скрип телег да фыркaнь лошадей. Остальной мир казался огромным, глухим, неподвижным, далёким и недоступным.

И вдруг — чудо. Брат мамы дядя Вася, проездом из Бийска, по чистой случайности или необъяснимой доброй воле привёз двенадцатилетнему пацану помятую картонную коробку. На крышке синела размашистая надпись: «Набор для сборки резиномоторной модели самолета».

Внутри пахло казеиновым клеем, тонкими сосновыми рейками, кусочками сверхлёгкой бальзы и папиросной бумагой. Мир вокруг перестал существовать. Он не спал двое суток. Забывал поесть. Мать сердилась, отец качал головой, а он в полумраке избы, при тусклом свете керосинки, бережно зачищал каждую нервюру, натягивал обшивку, проверял балансировку. Руки дрожали от восторга и страха испортить.

На третий день он вынес модель на деревенский выгон на берегу Чарыша. Собралась, кажется, вся деревня — от чумазых ребятишек до седых дедов, кутивших самосад. Смотрели как на чудика. Он закрутил резиномотор — жгут послушно завязался тугими узлами. Сердце колотилось где-то в горле.

Александр перебирал пальцами гладкое, холодное дерево коряги, а мысли уносили его далеко от Казани и великой Волги. К тому самому первому моменту, когда он понял, что земля — это лишь временная опора, а его истинный дом — там, где воздух со свистом режется крылом.

В памяти вспыхнул опять Алтай. Шелест диких трав, острый запах горной хвои и бешеная, каменистая река Чарыш, бурлящая у ног. Ему тогда было всего двенадцать лет. Время, когда другие пацаны гоняли мяч по пыльным дорогам или ловили пескарей в протоках, Сашка, склеивая пальцы едким клеем собирал свою модель самолёта...

В тот день он принёс на берег Чарыша свою первую серьёзную гордость — резиномоторную модель. Она была хрупкой, собранной из тончайших сосновых реек и обтянутой тонкой папиросной бумагой. Мотор — жгут из авиационной резины, который он лихорадочно закручивал пальцами, считая обороты. Семьдесят, восемьдесят, сто... Пальцы ныли, резина натягивалась, готовая лопнуть и порвать лёгкий фюзеляж. Старшие ребята смеялись: *«Куда ты ее пускаешь, Сашка? Там же над рекой вихри, ветер с гор встречный, скалы! Разобьёт твой планер в щепки о первую же каменную глыбу!»*

Но Сашка уже тогда обладал тем самым странным, видением. Он не смотрел на камни. Он смотрел на невидимые струи воздуха, которые срывались с прибрежных утесов, на то, как гнутся вершины сосен, вычисляя траекторию. Мозг двенадцатилетнего мальчишки работал как аналоговый компьютер, отсекая страх потери.

— Вы думаете, всё так просто? — прошептал он тогда слова, которые услышит лишь спустя двенадцать лет здесь, на Волге.

Он разжал пальцы. Пропеллер бешено зажужжал, превратившись в прозрачный диск. Модель рванулась из рук прямо над кипящим, пенистым Чарышем. Первые секунды его аппарат шёл низко, едва не цепляя колесами холодные брызги реки. Толпа на берегу замерла. Но Александр рассчитал всё верно: встречный горный поток подхватил легкие крылья, и модель, вместо того чтобы рухнуть, свечой пошла вверх, ловя восходящую струю. Она летела вопреки всем прогнозам старших, вопреки здравому смыслу, чистая и свободная, высоко над алтайскими скалами.

Именно там, на берегах Чарыша, в двенадцать лет Александр впервые почувствовал вкус победы над земной инертностью. Он понял, что если отбросить чужие страхи и лишние правила, можно заставить летать даже то, что летать не должно.

Толчок. Самолетик, покачнувшись на легком алтайском ветре, не рухнул на камни. Он плавно, невероятно гордо набрал высоту, поймал восходящий поток над огородом и пошёл по идеальной дуге вдоль Чарыша. Деревня ахнула. Мужики выронили сигарки. А двенадцатилетний мальчишка орал от какого-то первобытного, всепоглощающего счастья, не чуя под собой ног. В тот день он понял: человек может заставить летать то, что он сам сотворил, разобравшись с элементарной физикой массы и пространства.

Потом был переезд в небольшой районный городок. Школа за двенадцать километров. Каждое утро — пешком, в любую погоду, через бураны и распутицу. Ноги гудели, но он шёл, потому что рядом со школой, в старом купеческом особняке, горели окна Дома пионеров. Там был авиамодельный кружок. Алтайские воспоминания, как сорвавшийся в пике планер, унесли Александра ещё дальше — туда, где после первых запусков на Чарыше началась его настоящая, жёсткая закалка. В город Бийск. В старое, пахнущее авиационным бензином, эмалитом и сухой сосновой щепой здание Дома Пионеров.

Именно там, в душной, пропахшей ацетоном, эфиром и касторкой лаборатории авиамодельного кружка, тринадцатилетний Сашка впервые столкнулся с чертежами самого сложного, капризного и бескомпромиссного класса — таймерных моделей. Это были уже не детские игрушки с резинками. Это были настоящие миниатюрные самолёты с ревушими компрессионными микродвигателями МК-12. Правила были жёсткими: мотор работает ровно десять секунд, выбрасывая модель на головокружительную высоту, а затем механический таймер перекрывает топливо, и самолет должен оседлать невидимые восходящие потоки, удерживаясь в небе ровно три минуты. Секундой меньше — проигрыш.

Бийский Дом Пионеров стал для него первым полигоном, где кристаллизовалось его конструкторское мышление. Пока другие ребята часами полировали фюзеляжи, добиваясь зеркального блеска, и сдували пылинки с импортных японских микродвигателей, Сашка действовал иначе.

— Вы слишком усложняете, — говорил он старшим пацанам, которые крутили регулировочные винты карбюраторов до мозолей на пальцах. — Лишний вес, лишняя тяга. Ветер всё равно сильнее вашей полировки. Нужно ловить не блеск, а баланс.

Александр безжалостно выбрасывал из чертежей то, что методички считали обязательным. Он стачивал нервюры крыла до толщины нити, облегчал стабилизатор, делая модель похожей на невесомый скелет птицы. Руководитель кружка Александр Алексеевич Ананьев — фанат авиации и авиамоделизма, хватался за голову: *«Сашка, она же рассыплется в воздухе от вибрации мотора!»*

Но модель не рассыпалась. На краевых и республиканских соревнованиях, когда над бийскими полями поднимался утренний туман, таймерный самолёт Александра ревел своим крошечным поршнем, свечой уходя в облака. Двигатель замолкал ровно через десять секунд, и облегченный, лишённый конструкторского «мусора» планер буквально зависал в воздухе. Он находил термические потоки там, где тяжелые, идеально отполированные модели соперников быстро падали в траву. Сашка выигрывал один кубок за другим. Многократный чемпион города, края, зоны Сибири и Урала в классе таймерных моделей. Газеты писали о «молодом Бийском самородке», а сам Сашка, получая очередную грамоту, смотрел не на медаль, а на небо. Он уже тогда знал: всё, что они делают на земле — лишь подготовка к чему-то огромному. Он учился управлять временем — теми самыми секундами работы мотора и минутами свободного парения.

В институт он поступал уже многократным чемпионом края по авиамodelьному спорту по таймерным моделям. Но одно дело — строить лёгкие крылья из бальзы и микалентной бумаги, и совсем другое — столкнуться с небом лицом к лицу. Тогда, при Хрущёве действовало жёсткое, спартанское правило: те первокурсники, кто пришёл со школьной скамьи, без армейского или трудового стажа, первый год обязаны были работать на заводе. Днём ты полный правый сборщик в цеху, а вечером, глотая остывший чай и стирая с пальцев мазут от металлической стружки, бежишь на лекции. Выдерживали не все. Но для парня из алтайской глухомани это стало лучшей школой жизни.

Его распределили на авиазавод, под огромной крышей которого, рождались грозные хозяева неба — стратегические бомбардировщики «Ту-16» и новейшие, сверхзвуковые «Ту-22». Когда он впервые вошёл в сборочный цех, у него перехватило дыхание. Это был не просто цех — это был титанический храм из бетона, стекла и ревущего грохота клепальных молотков. Вдоль пролётов, окутанные дымкой масляного тумана, стояли они. Монстры. Серебристые исполины с хищно стреловидными крыльями, уходящими в полумрак потолка. От одного взгляда на циклопические фюзеляжи «Ту-22», похожие на замершие в прыжке сказочные чудища, по коже пробегал мороз.

Ему, пареньку, едва выбравшемуся из тайги, доверили прикасаться к этим машинам. Внутри всё пело от гордости и одновременно немело и трепетало. Он помнил, как ползал внутри гермокабин, как пахли внутренности самолётов авиационным лаком и герметиком. Каждый состыкованный им заклёпочный шов, каждый уложенный жгут проводки казались ему причастием к великой тайне. Но просто собирать эти машины ему было мало. Его тянуло туда, внутрь — в самое сердце серебряных исполинов.

Режим на оборонном авиазаводе был жесточайшим. Везде военизированная охрана, пропуск, строгий учет каждой минуты и каждого шага. За нахождение в неурочное время в закрытой зоне можно было мгновенно вылететь из института и поехать напрямик в лагеря за шпионаж или вредительство. Тем более, что в геополитике в это самое время разворачивался

опасный карибский кризис. По всему заводу висели указатели бомбоубежищ и плакаты об опасностях ядерного взрыва. Но страсть оказалась сильнее страха. В один из вечеров, когда его смена уже заканчивалась, а ночная бригада ещё не заступила на этот участок, он решился. Сердце колотилось в груди как бешеное, заглушая далёкий гул вентиляции. Прячась за высокими стапелями, выжидая, пока фигура вооруженного вохровца скроется за поворотом галереи, он тенью скользнул к строящемуся «Ту-22».

По технологической стремянке — вверх, затаив дыхание. Пролететь в люк. Внутри пахло незнакомо и остро: свежим герметиком, холодной резиной, высотным кислородом и спиртом. Он пробрался в кабину и опустился в кресло командира корабля. Это было неописуемое, почти религиозное чувство. Вокруг него в полумраке тускло поблёскивали сотни приборов: авиагоризонт, указатель маха, тумблеры управления форсажем. Перед глазами — лобовое остекление, за которым расстилался огромный, затихший на пересменку цех. Но парень не видел стен.

Он положил руки на штурвал. Металл был холодным, но в его воображении по венам этого чудовища уже бежали тысячи вольт тока, за спиной ревели мощные турбины, а стрелка альтиметра стремительно крутилась, отсчитывая километры высоты. Стратосфера. Черное небо, где видны звезды даже днём. Именно там, на грани космоса, была его настоящая родина.

«Я буду летать, — поклялся он тогда себе в темноте кабины, рискуя каждую секунду услышать окрик часового. — Если не сам, то мои идеи точно поднимутся выше этих машин».

И он делал всё, чтобы эта клятва стала явью. Параллельно с изнурительной учёбой и работой на заводе он записался в ДОСААФ. Парень из алтайской глухомани ковал себя сам, готовясь к главной цели.

Сначала был первый прыжок с парашютом — звенящая пустота под ногами, оглушительный хлопок раскрывшегося купола и свист ветра в ушах. Потом — хрупкие, изящные планеры, на которых он учился читать невидимые термические потоки, паря над землёй без звука мотора, как огромная белая птица. Наконец, спортивные самолеты — бешеные перегрузки, фигуры высшего пилотажа, когда земля и небо меняются местами, а кровь стучит в висках от дикого восторга.

Когда в апреле шестьдесят первого года весь мир потряс полёт Юрия Гагарина, наш герой уже твердо знал свой путь. Простой смоленский парень открыл дорогу к звездам, и он, парень с берегов Чарыша и Бии, должен был последовать за ним. Все его мысли, тренировки, прыжки и полёты были подчинены одному — стать достойным и соответствовать требованиям строжайшего отбора в отряд космонавтов. Он был вынослив, упрям, получал инженерное образование и идеальную реакцию.

Но судьба нанесла удар в спину там, где он меньше всего ожидал. Медицинская комиссия. Бесконечные коридоры, белые халаты, равнодушные приборы. Врачи подошли к его обследованию с безжалостной советской дотошностью. Какая-то мелкая, незначительная аномалия, едва заметный шум в сердце или лёгкое последствие детской простуды на Алтае — вещь, с которой обычные люди живут до ста лет, — для космоса оказалась приговором:

— Годен к летной работе без ограничений, — сухо сказал председатель комиссии, ставя жирную чернильную печать. — Но к спецперегрузкам в космическом пространстве — не годен. Следующий.

Мир вокруг покачнулся и рухнул. Врачи одним росчерком пера безжалостно приземлили его амбиции, отрезав от мечты всей жизни. На несколько недель он погрузился в глухую, чёрную тоску.

Но парень с Алтая не умел сдаваться. Если ему закрыли доступ в космос в качестве пилота, значит, он ворвётся туда как конструктор и учёный. Он создаст такие аппараты и откроет такие законы физики, которые преодолеют любые медицинские запреты. Хрональные поля, информационные пространства, новые двигатели — его разум станет его космическим кораблем. Вечерами на лекциях, когда глаза слипались от усталости, он смотрел на доску с

формулами аэродинамики и видел за сухими значками, как прогибается под колоссальной нагрузкой живое крыло «Туполева». Он не просто учился — он кожей чувствовал и металл, и потоки воздуха его обтекающие.

И вот теперь все, почти шесть лет учёбы и заводской закалки позади. Впереди — Сибирь, Академгородок, неведомые горизонты большой науки.

Выпускник тряхнул головой, прогоняя нахлынувшие воспоминания, и снова посмотрел на ленивые волжские волны. Сердце колотилось в странном, предгрозовом ритме. Точно такое же чувство — смесь восторга и лёгкого страха перед неизвестностью — он испытывал тогда, двенадцать лет назад на выгоне у Чарыша, и в закрытой кабине «Ту-22».

Воспоминания о детском моделировании растаяли, уступив место оглушительному, свинцовому грохоту настоящей авиации. Казань. Семнадцать лет. Первый курс Казанского авиационного института. В те годы студентов КАИ не держали в тепличных аудиториях — их сразу бросали в пекло реального производства. Александр попал на легендарный Казанский авиационный завод имени Горбунова. Его зачислили слесарем-сборщиком в огромный, похожий на футуристический собор цех окончательной сборки. Когда Сашка впервые переступил порог этого колосса из бетона, стекла и стали, у него перехватило дыхание. Это был не просто завод — это был инкубатор титанов.

Вдоль пролётов, уходящих за горизонт в сизой дымке, на гигантских стапелях покоились корпуса стратегических ракетоносцев **Ту-16** и новейших сверхзвуковых дальних бомбардировщиков **Ту-22**, которые на Западе уважительно прозвали «Блиндер». Масштабы производства подавляли и восхищали одновременно. Стреловидные крылья Ту-22, срезанные под хищным углом, казались крыльями гигантских серебристых птиц, готовых разорвать саму ткань атмосферы. Длина фюзеляжей из дюрала и титана измерялась десятками метров, а массивные моторы ВД-7М, подвешенные у киля, выглядели как сопла космических кораблей.

Но даже среди этого инженерного величия Сашка оставался верен своему конструкторскому видению. Вглядываясь в бесконечные жгуты проводки, километры гидравлических трубок и дублирующие контуры систем Ту-16, он часто ловил себя на дерзкой мысли: *«Зачем так сложно? Зачем столько лишнего железа? Если пересчитать газодинамику по-другому, часть этих агрегатов можно выкинуть, а самолёт полетит еще быстрее!»*

Старые, прожжённые производственным опытом мастера-сборщики, заметив, как первокурсник замирает у открытого люка шасси Ту-22, с улыбкой хлопали его по плечу: *«Что, Сашок, придавлен масштабом? То-то же! Это тебе не деревянные планеры в Доме Пионеров клеить. Это мощь державы! Тут всё строго по ГОСТу, лишнюю гайку не прикрутишь и не выбросишь!»*

Александр молча улыбался им в ответ. Он уже тогда понимал то, чего не знали эти мастера. Масштаб завода и мощь самолетов восхищали его, но они же доказывали: человечество пока идёт путём усложнения, потому что не видит скрытой простоты законов вселенной. Он учился у этих гигантов Ту-16 и Ту-22 держать удар колоссальных нагрузок — как физических, так и психологических. Завод Горбунова научил его чувствовать металл и масштаб власти над пространством. Теперь он был готов ко всему.

Его зачислили слесарем-сборщиком в огромный, похожий на футуристический собор цех окончательной сборки. Когда Сашка впервые переступил порог этого колосса из бетона, стекла и стали, у него перехватило дыхание. Это был не просто завод — это был инкубатор титанов.

Сашка, сжимая в руках тяжелый пневматический клёпальный молоток, чувствовал себя крошечным винтиком в этом исполинском механизме. Его восторги от масштабов завода были безграничны. Здесь всё пахло по-взрослому: перегретым маслом, озоном от электросварки, едким запахом авиационного керосина и дурманящим ароматом свежего лака. Каждый удар его молотка по заклёпке отзывался гулким эхом в пустых полостях крыла ракетносца. Он лично, своими пальцами, покрытыми ссадинами и мазутом, прощупывал нервы и шпанго-

ути машин, которым предстояло летать на сверхзвуке. Казанский завод Горбунова дал Александру осязаемое, почти физическое ощущение дюралевой мощи, но земля по-прежнему оставалась для него лишь стартовой площадкой. Истинное крещение пространством произошло в Казанском аэроклубе ДОСААФ, где небо окончательно забрало его душу.

Шаг в бездну. Первый прыжок. Первый прыжок с парашютом отпечатался в памяти Сашки не страхом, а звенящим, абсолютным обострением всех чувств. Это был старый, пропахший бензином и масляной ветошью «Ан-2». Самолёт натужно ревел, набирая положенные восемьсот метров. Борт трясло так, что зубы стучали, а в открытую дверь врвался ледяной, хлесткий ветер, пахнувший высотой. Сашка стоял в створе двери третьим. За спиной тяжёлым горбом давил десантный ПД. Выпускающий — хмурый инструктор с обветренным лицом — положил руку на переборку и крикнул: «Приготовиться!»

В голове у Сашки в этот миг не было ни единой лишней мысли. Его ментальный радар, еще не оформленный, но уже пробуждающийся, отсек весь «мусор» — страх, сомнения, инстинкт самосохранения. Осталась только чистая математика секунд.

«Пошёл!» — короткий хлопок по плечу.

Сашка сделал шаг в пустоту. Земля внизу мгновенно завертелась безумным, косым волчком. Оглушительный, яростный поток воздуха ударил в лицо, забивая рот и лёгкие, срывая дыхание. Скорость падения росла лавиной. Смертный человеческий страх кричал внутри: «Цепляйся за что-нибудь!» Но цепляться было не за что. И в этот миг абсолютной беспомощности Сашка вдруг ощутил дикий, пьянящий восторг. Он не падал — он летел! Он считал про себя, чётко и хладнокровно, как учили: «501... 502... 503...» — и рванул кольцо. Сильный, динамический удар подбросил его вверх, подвесные ремни больно врезались в бёдра. А затем наступила оглушительная, внезапная тишина. Белый купол над головой раскрылся идеальным огромным белым цветком. Александр висел в небе между облаками и казанскими лесами. Он сделал этот шаг. Он подчинил себе падение.

Звенящая тишина. Первый планер. Но если парашют был управляемым падением, то первый полёт на планере «Бланик» L-13 стал для Александра чистой, беспримесной поэзией аэродинамики.

Момент взлёта: планер на буксире за самолетом бежит по траве, шурша единственным колесом, затем легкий толчок — и они в воздухе. На высоте четырехсот метров Сашка дернул за ручку отцепки. Громкий щелчок замка — и буксировочный канат ушёл вниз. В ту же секунду исчез рёв чужого мотора. Наступила звенящая, хрустальная тишина, нарушаемая лишь мягким, свистящим шелестом воздуха, обтекающего безупречное дюралевое крыло «Бланика». Александр остался один на один с атмосферой. Здесь его инженерное мышление, выкованное на таймерных моделях в Бийске, заработало на полную мощность. Пока инструктор в задней кабине контролировал приборы, Сашка кончиками пальцев на ручке управления чувствовал живое дыхание неба.

Он искал «термики» — невидимые термические потоки, восходящие от нагретой солнцем пашни. Земная логика говорила: без мотора ты обречён на снижение. Но Александр думал иначе. Он заложил крутой вираж, поймал крылом невидимый вертикальный лифт и почувствовал, как многокилограммовую машину мощно потащило вверх, к кучевым облакам. Прибор-вариометр радостно запищал, фиксируя подъем: плюс два метра в секунду, плюс три! Вопреки гравитации, без единой капли топлива, ведомый только чистой газодинамикой и расчетом, Александр поднимался всё выше и выше. В кабине пахло разогретым плексигласом и солнцем. Это был восторг абсолютной свободы — свободы разума, переигравшего земное притяжение.

Укрощение мотора. Як-18 и Як-12. А затем в его жизнь ворвались моторы. Первым был **Як-18** — строгий, юркий пилотажный тренажёр с характерным, ни с чем не сравнимым рывканьем семицилиндрового радиального двигателя АИ-14Р.

Полёт на Як-18 — это был чистый адреналин и перегрузки. Когда Александр впервые пошёл на высший пилотаж, мир за стеклом кабины сошёл с ума. Ручку на себя — и чудовищная тяжесть вдавила его в кресло, лицо поплыло вниз, а перед глазами на мгновение потемнело. Четыре единицы перегрузки! Но Сашка не отключился. Наоборот, его мозг в этот момент работал с хрустальной ясностью. В верхней точке петли Нестерова, когда самолёт завис вниз головой, а над кабиной оказалась бескрайняя зелёная бездна земли, Александр рассмеялся от восторга. Он крутил бочки, закладывал глубокие виражи, укрощая бешеный рев мотора и заставляя жёсткий металл подчиняться малейшему движению руки. Як-18 научил его агрессивной, боевой скорости.

Совсем другим был **Як-12** — труженик неба, большая, лопоухая, надёжная машина с высоким крылом, созданная для коротких грунтовых полос. Если Як-18 был шпагой, то Як-12 — надёжным щитом. Александр обожал этот самолет за его невероятную, почти сверхъестественную летучесть. На Як-12 он учился филигранной точности пилотирования на грани сваливания. Полёт над извилистой Волгой на малой высоте, когда крыло идёт в считанных метрах от верхушек прибрежных ив, требовал абсолютной концентрации. Александр чувствовал, как самолет буквально опирается на плотный приземный воздух — так называемый «эффект экрана». На Як-12 он мог посадить машину на крошечный, изрытый кочками луг, отсекая все классические инструкции ЦАГИ по длине пробега. Он просто гасил скорость до минимума, удерживая самолет на «всплытии» кончиками пальцев, и мягко притирал колеса к траве там, где другие побоялись бы даже пролететь.

350 кубических сантиметров. Небо дарило Александру звенящую тишину, но земля требовала агрессии, мужества и совершенно иной концентрации. Параллельно с полётами в аэроклубе все годы учёбы в КАИ его сердце наполовину принадлежало мотокроссу. Не вальяжным покатушкам по шоссе, а жёсткому, беспощадному спорту, где выживали только люди со стальными нервами. Александр выступал в самом мощном и тяжёлом классе — 350 кубических сантиметров. Его боевым конем был форсированный спортивный ИЖ-60, злой, двухтактный, ревущий на высоких оборотах, готовый в любую секунду выбросить пилота из седла. Мотокросс стал для него вторым полигоном инженерного мышления. Пока соперники перед стартом нервно перебирали карбюраторы и высчитывали траектории по сухим учебникам, Александр смотрел на раскисшую, разбитую колёсами трассу иначе. Он видел динамику масс.

— Они думают, что нужно бороться с грязью, — шептал он своему механику перед стартом. — А нужно просто отсечь лишнее сопротивление и поймать инерцию.

В заездах на первенство Поволжских республик Сашка творил чудеса. Когда на старте падал железный барьер и тридцать злых моторов 350-кубовых байков взрывали воздух оглушительным треском, он уходил в занос. Глина летела из-под колёс килограммами, залепляя очки, соперники жёстко толкались локтями в крутых и тесных виражах, но Александр ловил тот самый гоночный баланс, который позже поможет ему пилотировать планер. Он намеренно пускал тяжёлый мотоцикл в управляемый занос на грани фолла, пролетая разбитые гребни на одном заднем колесе. В тот год он стал **абсолютным чемпионом Поволжских республик**, заставив спортивных чиновников уважительно заговорить о студенте из Казани.

А затем были Всесоюзные соревнования — престижнейшее Первенство ВУЗов СССР. Туда съехалась вся элита, мастера спорта со всех республик, краёв и областей, упакованные по последнему слову советской техники. Трасса была адской — сплошные трамплины, глубокие колеи и крутые песчаные подъемы.

В финальном заезде у Александра на середине дистанции частично заклинило переднюю вилку — руль почти перестал амортизировать, каждый удар по колесу отдавался в руки дикой, ломающей болью. Любой другой сошёл бы с дистанции, спасая кости. Но Сашка перенёс весь вес тела назад, загрузив заднее колесо, и пошёл на чистом упрямстве. Он буквально летел над

ухабами, удерживая ревущий 350-кубовый мотор на максимальном газе. Он финишировал на разрыв аорты.

В общем зачете Союза он занял десятое место. Для простого студента на стандартном ИЖ-60 среди профессоров мотокросса это был оглушительный, невероятный успех. Именно за эту гонку Александр получил заветную корочку и значок Кандидата в мастера спорта СССР (КМС). Вручал этот заветный значок ему сам маршал авиации Александр Покрышкин, фанат мотокросса, председатель ДОСААФ. При вручении он похлопал его по-дружески по спине и сказал:

- Так держать тёзка! Ты хоть и десятый, но первый среди нас, авиаторов!

Потёртый спортивный значок теперь гордо висел на его куртке рядом с институтским ромбиком с крылышками. Мотокросс научил его главному: держать удар, когда система идёт вразнос, и побеждать даже со сломанным рулём. Сидя теперь на коряге у Волги, двадцатитрёх-летний Александр закрыл глаза. В его ушах всё еще перекликались звенящая тишина планера, хлопок открывающегося парашюта, форсажный рев Ту-22 на заводском аэродроме и родное, надёжное ворчание движка Як-12. Весь этот колоссальный, эмоциональный сплав высоты, скорости и преодоления человеческого страха кристаллизовал его суть.

— Красиво, правда? — раздался тихий, почти невесомый голос...

Он не слышал шагов. Человеческий слух не способен уловить движение тумана или падение лунного луча. Он просто почувствовал, как воздух вокруг коряги внезапно изменил свою плотность, словно в замкнутом пространстве лаборатории резко упало давление. Он повернул голову. Рядом с ним сидела девушка. Она казалась абсолютно невесомой — старое дерево под её весом даже не шелохнулось, не издало ни единого звука. На ней было белое платье, такое тонкое и воздушное, что оно казалось сотканным из тумана речного испарения. В наступающих сумерках её лицо светилось мягким, фарфоровым светом, а прядь тёмных волос, упавшая на лоб, казалась неподвижной, вопреки свежему ветру, тянувшему с воды.

Его сердце, привыкшее к колоссальным перегрузкам в небе, вдруг сделало странный, болезненный перебой. Это не был испуг спортсмена перед опасностью. Это было острое, пронзительное чувство, будто он всю жизнь летел в тёмном облаке и вдруг выскочил в чистое, залитое солнцем небо. Она долго смотрела вперед, туда, где река сливалась с темнеющим куполом небосвода, на котором одна за другой зажигались первые, колючие звезды.

— Ты ведь строишь машины, чтобы преодолеть притяжение? — тихо спросила она. Её голос не нарушил тишину, он прозвучал прямо у него в сознании, мягко и отчётливо. — Я видела, как ты летаешь на планере. Ты ищешь там свободу?

Он сглотнул вязкую слюну, пораженный тем, что эта незнакомка знает о его полётах.

— Полёт планера — это просто расчёт аэродинамики, — ответил он, отчаянно цепляясь за привычную тему. — Восходящие потоки, профиль крыла, скорость. Но... когда ты там, наверху, земля кажется плоским чертежом. Игрушечным миром. А истинная реальность — это небо. Безграничное, чистое.

— Оно не пустое, — она повернулась к нему, и в её глазах, без всякого преувеличения, отразился весь Млечный Путь. В них не было юношеского кокетства, только глубокая, древняя печаль. — Оно живое. Просто люди на Земле заперты в своих телах, как в тяжёлых скафандрах. Они смотрят под ноги, строят дома, суетятся. Они разучились чувствовать масштаб. Вы здесь — как чужие заброшенные космонавты на маленькой, тесной планете.

— Ты тоже чувствуешь себя здесь чужой? — Он подался вперёд, замороженный этим признанием. Ему впервые в жизни не хотелось защищаться своим одиночеством.

— Всегда, — выдохнула она, и этот вдох показался ему прохладным космическим сквозняком. — Сколько себя помню. Моё тело живёт своей условной жизнью, подчиняется гравитации, часам, правилам. Но когда наступает ночь, я отпускаю свою суть. Я ухожу бродить по краю этого мира, чтобы почувствовать свободу. Я часто приходила сюда, на этот берег. Каждую

неделю. Ты сидел на этой коряге, такой защищённый в своём одиночестве, и я... я просто не решалась потревожить тебя. Боялась разрушить этот идеальный баланс.

Она сделала паузу, и звезда, сорвавшаяся с зенита, прочертила бледную линию над Волгой.

— Но сегодня все изменилось. Пространство вокруг тебя стало другим. Я почувствовала... я просто остро ощутила, что это наш последний шанс. Завтра тебя здесь не будет. И если бы я не подошла сейчас, это зеркало мира навсегда бы закрылось.

В его груди разгоралось чувство, которому у него, отличника авиаинститута, не было технического определения. Это не было обычным влечением. Это было гравитационное притяжение двух одиноких объектов в пустой Вселенной.словно две элементарные частицы, разделённые световыми годами, вдруг вошли в квантовую запутанность. Это было больно, остро и невероятно красиво.

— Завтра я уезжаю в Сибирь, — глухо произнес он. — В Академгородок. Я буду строить настоящие ракеты.

— Действительность — это всего лишь иллюзия, — прошептала она, и её силуэт на секунду показался ему прозрачным, сквозь него проступили контуры дальнего берега. — Расстояния, километры, Сибирь... это всё условности материального мира. Если наши души смогли встретиться здесь, над Волгой, значит, пространства не существует.

Она протянула к нему руку. Её пальцы коснулись его ладони. Он ожидал почувствовать тепло кожи, но ощутил лишь лёгкое, покалывающее электричество, словно статический заряд перед грозой. Но этот едва заметный контакт отозвался в его сердце такой мощной вспышкой, от которой перехватило дыхание.

— Время поджимает, моё тело зовёт меня обратно... — сказала она, поднимаясь с коряги. Белая ткань её платья заструилась, сливаясь с поднимающимся от реки туманом. — Рада, что успела.

— Подожди! — Он резко встал, коряга бешено качнулась, но ловить уже было некого. Земля под его ногами снова стала твёрдой, тяжёлой и невыносимо одинокой. Она исчезла, оставив после себя лишь звенящую тишину космоса и лёгкий металлический стук. В корнях старого дерева, ловя отражение первой взойшедшей звезды, лежала маленькая, изящная пудреница с круглым зеркальцем.

В эту самую секунду, среди оглушительной тишины угасающего заката, он понял всем своим существом: это она. На всю оставшуюся жизнь. Кто бы она ни была, откуда бы ни пришла — его судьба отныне навсегда связана с ней. Он сделал шаг вперёд, туда, где лежала небольшая серебряная пудреница. Оставила ли она её нечаянно, обронив в спешке, или это был умышленный знак? Парень протянул дрожащую руку и поднял её с песка. Наощупь серебро было странным — не холодным, а приятно тёплым, почти живым. Он нажал на крошечную защелку. Крышка откинулась. Вместо привычного зеркального отражения внутри зеркала клубился, медленно переливаясь, плотный белый туман. Он не таял и не выходил за пределы круглых рамок, словно жил по своим собственным, неведомым законам физики. Александр закрыл крышку, спрятал пудреницу в карман куртки рядом с дипломом КАИ и посмотрел на ночное небо. Завтра был Сеятель. Завтра был Новосибирск. Его великое и сложное восхождение к посту Администратора Земли началось. В кармане куртки лежало направление в Новосибирский Академгородок. Туда, где Лаврентьев и Казначеев уже прощупывали границы реальности. Парень вновь достал зеркальце и бережно сжал его в кулаке. Путь к звездам, закрытый врачами, только что открылся с совершенно другой стороны.

Александр шёл по темнеющему берегу, но шаги его замедлились. Серебряный значок КМС на куртке больше не грел, а пудреница в кармане словно налилась свинцовой тяжестью. Ментальный радар, вороचाщий воспоминания, упёрся в самую глубокую, кровоточащую рану его юности. В ту самую правду, которую он прятал от однокурсников за рёвом моторов и дерз-

кими инженерными эскизами. Все эти годы — Бийск, Чарыш, завод Горбунова, парашютные прыжки, Як-18 и безумные кроссовые трассы — всё это было не ради спортивных кубков. Всё это было подчинено одной, яростной, ослепительной цели. Александр хотел в космос. Не просто летать среди облаков, а вырваться за пределы атмосферы, туда, где звёзды не мерцают, а горят чистым, ровным светом. КАИ был для него лишь первой ступенью ракеты-носителя. Шанс казался осязаемым, протяни руку — и коснешься. Почётным членом их Казанского аэроклуба ДОСААФ был сам Андриан Николаев — Космонавт-3, легендарный сокол Чувашии, дважды Герой Советского Союза. Николаев часто прилетал в Казань, лично следил за молодежью и в конце концов совершил чудо — пробил в Звездном городке квоту. Высшее руководство Центра подготовки космонавтов разрешило провести экспериментальный отбор кандидатов прямо из числа лучших студентов-пилотов и парашютистов Казанского Авиационного Института, одновременно и курсантов аэроклуба ДОСААФ.

Александр прошёл все предварительные сита. Его лётные характеристики были безупречны, прыжков — с избытком, инженерные знания — на уровне. Он уже видел себя в заветном оранжевом скафандре. А потом был Институт авиационной и космической медицины в Москве. Абсолютный, стерильный ад. В памяти Сашки в красках вспыхнули те недели. Бесконечные, изнуряющие тесты. Вращающиеся кресла Барани, центрифуги, выжимающие из тела последние силы, барокамеры, где воздух разрежали до высоты в двенадцать километров, датчики, облепившие грудь, как холодные пиявки. Он терпел всё. Его мозг, верный своему инженерному принципу, отсекал боль и головокружение, выдавая идеальные показатели. Он был уверен, что победил.

Приговор медицинской комиссии прозвучал как выстрел в упор на взлёте:

— Годен к лётной работе без ограничений, — сухо произнес полковник медицинской службы, не поднимая глаз от медицинской карты. — Но к космическим полетам... Отказать. Обнаружена микроскопическая, скрытая аномалия проводящих путей миокарда. В земных условиях и на сверхзвуке Ту-22 — ерунда, проживёшь до ста лет. Но при длительных перегрузках в двенадцать единиц сердце может выдать сбой. Извини, парень. Космос не для твоих сосудов. Следующий.

Это был удар невероятной, сокрушительной силы. Хрустальный дворец его мечты, который он строил с двенадцати лет на берегах Чарыша, рухнул, погребая под обломками саму суть его жизни. В тот день Александр вышел из госпиталя в осеннюю московскую слякоть и впервые в жизни почувствовал себя абсолютно пустым. Земным. Привязанным к этой грязи гравитацией навсегда. Неделью он не мог спать. Закрывая глаза, он видел не приборную панель Як-18, а глухую, черную бездну Вселенной, которая захлопнула перед ним свои ворота. Его душили дикая обида на собственное тело, ярость от несправедливости медицины и глухое отчаяние. Зачем тогда были все эти победы в Бийске? Зачем таймерные модели, зачем риск на мотокроссе, если всё уперлось в дурацкий клапан сердца, который он даже не чувствовал?

Но Александр выжил. Он переплавил эту колоссальную душевную боль в совершенно иную, холодную и расчётливую силу.

— Вы думаете, всё так просто? — прошептал он тогда в пустом купе поезда Москва-Казань, сжимая кулаки до белых костяшек. — Нет. Если медицина не пустила моё тело в космос, я заставлю космос спуститься на эту землю. Я буду строить ракеты, я укрошу гиперзвук, я создам технологии, которые взломают саму природу времени. Я всё равно буду там. Он пережил этот крах. Сердце, отбракованное врачами, переродилось, став монолитом, готовым выдержать любые социальные и политические шторма. Отрезанный от Звездного городка, Александр обратил свой взгляд на Сибирь — на Новосибирский Академгородок, где физики ворочали энергиями звезд.

Сев опять на корягу, Александр закрыл глаза. В его ушах всё еще перекликались звенящая тишина планера, свист строп парашюта, форсажный рев Ту-22 на заводе и родное, надеж-

ное ворчание движка Як-12. Весь этот колоссальный, эмоциональный сплав высоты, скорости и преодоления человеческого страха кристаллизовал его суть. Он достал из кармана куртки серебряную пудреницу. Белый туман внутри неё вдруг резко раздался в стороны, и за круглым стеклом на долю секунды возник чёткий, ослепительный образ кабины невероятного, футуристического космического корабля, несущегося сквозь звезды со скоростью, превосходящей Мах-20. Александр улыбнулся. Он убрал артефакт в карман. Небо Волги провожало его мерцающими звёздами. Пора было идти на вокзал. Поезд до станции Сеятель уже ждал.

Александр остановился у железнодорожных путей казанского вокзала. Он достал пудреницу и в последний раз перед посадкой в поезд открыл её крышку. Белый туман за стеклом вдруг бешено закрутился, и сквозь него, прямо в сознание героя, прорвался далёкий, ироничный и ласковый голос той самой девушки в белом:

«Глупые земные врачи... Они искали сбой в сердце, не понимая, что в твоём миокарде уже тогда прорастали нити ДНК Высшей расы. Твое сердце не слабое, Александр. Оно просто настроено на частоту Луны. Жди, Сиф. Твой космос от тебя никуда не уйдет».

Александр усмехнулся, захлопнул серебряную крышку и уверенно ступил на подножку вагона. Поезд дёрнулся, набирая ход. Впереди была станция Сеятель. Впереди была великая Сибирь.

Поезд «Москва — Новосибирск» мерил километры с тяжёлым, маховиковым упорством. Стук колёс на стыках рельсов звучал монотонно, как метроном, отсчитывающий секунды, которые безжалостно отделяли его от Волги, от той ночи, от самого себя. За окном купе в бесконечном, гипнотическом танце проплывали серые силуэты уральских предгорий, сменявшиеся глухой, непроглядной стеной сибирской тайги. В купе пахло хлорированным чаем, мокрым сукном казённых одеял и дешёвым табаком из коридора. Но для него эта реальность перестала существовать. Все трое суток пути он почти не спал и не прикасался к еде. Его пальцы, привыкшие намертво держать руль кроссового мотоцикла на крутых виражах, сейчас осторожно, словно величайшую драгоценность, сжимали маленькую женскую пудреницу. Он открывал её каждые полчаса. Прагматичный разум авиатора, воспитанный на строгой логике формул, требовал увидеть в кругляшке стекла собственное бледное лицо, тёмные круги под глазами от бессонницы и качающийся плафон вагонной лампы.

Но законы оптики были мертвы. На протяжении всей дороги внутри пудреницы, прямо за стеклом, медленно и плотно клубился густой, ослепительно-белый туман. Он двигался автономно, закручиваясь в аккуратные спирали, совершенно не реагируя на жёсткую тряску вагона и стук колес. Временами туман уплотнялся, словно пытался сформировать какой-то рельеф, но затем снова рассыпался на мириады белых хлопьев. Его охватывал холодный, липкий ступор. Проводница, заглядывая в купе, качала головой, видя, как молодой, крепкий парень часами сидит неподвижно, уставившись в копеечное дамское зеркальце. А он не мог оторваться. Этот туман гипнотизировал его, утягивал внутрь.

Каждую минуту его тянуло закрыть глаза, встряхнуть головой и признать, что та ночь на покачивающейся коряге была лишь галлюцинацией, преддорожным мандражом или сном. Но прохладный металл пудреницы в его ладони был абсолютно материален. Одиночество, которое раньше служило ему верным щитом, теперь превратилось в глубокую, голодную воронку, на дне которой клубилась эта белая пелена.

В его мыслях, перебивая стук колес, крутились её последние слова: *«Действительность — это иллюзия...»* Если этот туман — иллюзия, то почему он кажется ему более живым, чем весь этот гроыхающий поезд, уносящий его в неизвестность? Он ждал. Он всматривался в белые вихри за стеклом до рези в глазах, чувствуя, что за этой пеленой скрывается ответ на главный вопрос его жизни. Он ещё не знал, что эта пудреница — его первый, квантовый узел связи с миром, который находится далеко за пределами земного неба.

Перед глазами стояла она. Ее силуэт в белом платье, её взгляд, её невероятные, невозможные слова: «Ты ведь все равно найдешь способ взлететь, инженер?». Это не было мимо-лётным увлечением или юношеской влюбленностью. Это было сродни тому чувству, когда он впервые увидел «Ту-22» — абсолютное, пугающее знание, что его жизнь изменилась навсегда. Наваждение? Сумасшествие? Парень то и дело запускал руку в карман, нащупывая твёрдый, необъяснимо тёплый серебряный предмет. Каждую ночь, когда попутчики засыпали, а в проходе гас свет, он тайком открывал пудреницу. В слабом отсвете садышащегося за лесом солнца или при луне внутри серебряной рамки неизменно клубился медленный белый туман. Плотный, похожий на пар над Чарышём в осенний рассвет, он жил своей скрытой, чуждой жизнью. Он пробовал коснуться его пальцем — но наткнулся на глухую, невидимую преграду, словно туман был заперт за сверхпрочным, идеально гладким стеклом. Разум авиаконструктора, привыкший к строгим формулам сопротивления материалов и аэродинамики, пасовал перед этой чертовщиной. Внутри рос азарт исследователя: если это существует, значит, у этого есть физический закон. И он его найдет.

На исходе третьих суток поезд, наконец, сбавил ход. За окном в густых сумерках замелькали редкие огни. Станция Сеятель встретила его тишиной, резко контрастирующей с грохотом Транссиба. Он сошёл на деревянную платформу с одним чемоданом, в котором лежали пара смен белья, дипломы и загадочное зеркальце. Вечер был тёплым, июньским, густо пахнувшим молодой сосновой хвоей, нагретой за день землёй и цветущей дикой малиной. Настоящее сибирское лето, короткое, но яростное. Парнишка вдохнул этот чистый, лишённый заводской гари воздух и поднял голову. Небо над Сеятелем было огромным и совершенно чистым. И там, в черной глубине, высыпали звезды. Крупные, колющие, невероятно близкие — точно такие же, какими они казались ему в детстве на Алтае. Отрезанный медицинскими комиссиями от полетов, здесь, в самом сердце сибирской науки, он снова стоял лицом к лицу со своей вселенной. Космос словно ждал его. Он подхватил чемодан и зашагал по лесной тропинке, ведомый указателями в сторону строящегося Академгородка. Шаг был уверенным. Он приехал побеждать.

Глава 2. Любовь вне зеркала.

Добравшись до своего Института, он был немного ошарашен известием, что выпускников институтов ждут только к первому сентября. К этому сроку для них подготовят место проживания, а директор примет их и с каждым лично побеседует, распределит их по лабораториям. Вернувшись на Сеятель, Александр с первым поездом отправился к родителям, где не был полгода.

Мы ужинаем, разговор ни о чём. И тут родители завели, в очередной раз, разговор о том, что им пора нанять внуков, а для этого я должен жениться. Я молча ел, не отвечая на их вопросы, но отец что-то сегодня особо сильно завёлся, и наседали на меня по этой теме. Вообще-то я с детства привык всё заранее обдумывать и строить планы на следующий день и ближайшее будущее. Иногда, с раннего детства, забравшись в укромное место, летом обычно на сеновал, или под одеяло на кровати перед сном, я предавался мечтаниям и фантазиям, навеянные либо прочитанными историями в книгах, либо придуманные самим. В своих детских романтических мечтаниях я был главным героем приключений по всему миру и даже вселенной. Фантастические, придуманные мной истории, уводили меня от серых реальных будней, часто не очень привлекательных в мир сказочных героев. Конечно я всегда у себя в голове разделял мир фантазий и реальные планы на будущее. В детстве срок планирования ограничивался, как правило, одним — двумя днями, по мере взросления глубина планов увеличивалась, сначала на годы, потом на десятилетия. Например, я стал заниматься авиамоделизмом, затем поступил в КАИ, где учился и одновременно пытался заниматься авиаспортом с целью поступления в группу космонавтов, всё это было спланировано заранее, начиная с 12 -14 лет. И сейчас у меня в голове всё будущее на ближайшие 5 – 10 лет было разложено по полочкам и годам, но

вот полочки, или хотя-бы строчки жениться, у меня там пока не было. Громкий голос отца вывел меня из задумчивости и я, не сдержавшись, тоже несколько повышенным тоном заявил:

- Раз Вы настаиваете, готовьтесь, завтра я женюсь...

В комнате повисла оглушительная тишина. Было слышно только, как на кухне мерно капает вода из крана, да где-то на улице глухо рокочет проезжающий грузовик. Мать так и застыла с половником над кастрюлей с супом. Отец, который секунду назад багровел от праведного гнева и готовился выдать новую тираду о «безалаберной современной молодежи», поперхнулся воздухом. Его челюсть медленно поползла вниз.

— В каком смысле — завтра? — тихо, с придыханием спросила мама, аккуратно опуская половник обратно. — Сашенька, шутки такие у тебя?

Александр сидел, сжав кулаки под столом. Внутри него бушевал ураган. Его идеальный внутренний календарь, где на 1968–1975 годы были запланированы: модернизация планеров, защита кандидатской, налёт 100 – 200 часов на планерах и самолётах в Бердске и штурм высотных рекордов, сейчас дал системный сбой. Никакой «полочки» для жены там не было. Но слово — не воробей, особенно сказанное отцу. Инженерный мозг Александра, привыкший искать выход из безвыходных ситуаций на виражах мотокросса, мгновенно переключился в режим экстренного проектирования. Отец нахмурился, вглядываясь в лицо сына, пытаясь понять, где здесь подвох:

— Ты это серьёзно, Сашка? Или просто чтобы я отвязался? Если серьёзно... то, кто она? Мы её хоть раз видели? Из КАИ? Или из твоих этих... парашютисток?

Александр медленно встал из-за стола. Перед его глазами стоял туман. Тот самый белый живой туман из серебряной пудреницы, которую загадочная девушка в белом платье обронила на берегу Волги всего несколько дней назад. Девушка, которая назвала его «Сиф». Он не знал о ней ничего, кроме её невероятных глаз, странного появления и ощущения, что их встреча была предрешена задолго до его рождения.

— Её зовут Елена, — назвал я первое имя, пришедшее в голову, на ходу выстраивая безумный, но единственный план спасения своего мужского слова. — И завтра вы с ней познакомитесь. Я приведу её к ужину.

Не дожидаясь лавины новых вопросов, которые неизбежно должны были обрушиться на него, Александр подхватил с вешалки куртку и вышел во двор. На улице было прохладно. Воздух пах речной сыростью и разнотравьем. Александр шёл по улице посёлка, и его мысли лихорадочно сменяли друг друга. «Итак, вводные данные: я пообещал отцу жениться завтра. Объективные препятствия: я не знаю, где живет Елена, где она учится или работает. У меня есть только серебряная пудреница со странной физикой внутри. До ужина осталось около двадцати пяти часов. Задача: найти девушку, убедить её подыграть мне... или действительно предложить ей руку и сердце».

Он засунул руку в карман куртки и пальцы наткнулись на холодный металл пудреницы. Александр вытащил её и приоткрыл крышку. В вечерних сумерках зеркальце слабо светилось. Белый туман внутри него больше не клубился хаотично — он выстроился в четкую, пульсирующую стрелку, которая указывала в сторону центрального парка посёлка, словно компас. Александр усмехнулся. Инженерный расчет подсказывал, что это безумие. Но парень, который в 12 лет заставлял парить куски дерева вопреки гравитации, а в 22 спорил с маршалом авиации, не привык отступать перед невыполнимыми задачами.

Когда смеркалось, пошёл в центральный парк, откуда раздавалась музыка с танцплощадки, там по субботам и воскресеньям собиралась молодёжь, сейчас бы это назвали дискотеккой, а тогда это были просто танцы. Решил, что первую встретившуюся молодую девушку пригласить на танец и предложу ей выйти за меня замуж. Но меня опередили. Перед самым входом

на танцплощадку ко мне подбежала молодая, симпатичная девушка и сама меня пригласила на танец. Я несколько опешил, но принял её предложение. Она была слегка навеселе и объяснила, что у неё сегодня день рождения, поэтому ей нельзя отказывать, и что она здесь с подругой. После окончания танцев я предложил компании, с подругой был ещё и парень, прокатиться по окрестностям на папиной Победе. И мы поехали кататься в поле по просёлочной дороге, которая первая нам попалась по пути. Я ведь был не местный, ничего не знал и поехал куда глаза глядят. Через полчаса у нас кончился бензин. Ночью втихаря беря машину, я опрометчиво не посмотрел на бензиномер. Сначала, не разобравшись в причине заглохшего двигателя, я попросил своих пассажиров толкать машину, чтобы её завести с хода, так-как и аккумулятор был на нуле. А тем временем началась пыльная буря, бич местных степей. Когда мои толкачи, выбившись из сил, залезли ко мне в машину они были чёрные как негры, в темноте блестели только их глаза и зубы.

В тёмном салоне «Победы» воцарился крошечный пыльный ад, сменившийся диким, безудержным хохотом. За окнами редела степная буря, швыряя в лобовое стекло горсти сухого песка и пыли, а внутри машины сидели четыре привидения.

— Ну именинница! — отплевываясь от пыли, прохрипел парень-пассажир. — Прокатись с ветерком! Сань, у тебя в этой карете хоть вода есть?

— Воды нет. И бензина, как выяснилось, тоже, — честно признался Александр, тщетно пытаясь разглядеть в темноте хоть что-то сквозь засыпанные пылью стекла.

Именинница, несмотря на испорченное платье и слой пыли на щеках, заливисто смеялась, привалившись к плечу своей подруги. В её глазах, блескующих на чёрном от пыли лице, не было ни капли злости — только чистый восторг от абсолютно сумасшедшего приключения. Именно в этот момент Александр, профессиональный планировщик, поймал себя на мысли, что эта непредсказуемая, спонтанная девчонка ломает все его представления о правильности. У неё день рождения вообще-то в апреле (как он узнает гораздо позже!), но сегодня она устроила настоящий праздник непослушания для них всех.

— Ладно, инженер, — сквозь смех проговорила она, вытирая ладонью нос, отчего стала ещё больше похожа на чумазого беспризорника. — Машина стоит, степь шумит, бензина ноль. Какие дальнейшие пункты твоего гениального плана? Ты же обещал меня до утра удивить!

Александр взглянул на часы. Стрелки приближались к трём часам ночи. Завтра — точнее, уже сегодня вечером — его ждал суровый отец и накрытый стол. А перед ним сидела девушка, чьего имени он до сих пор не знал, но которой собирался сделать самое безумное предложение в своей жизни.

— План прежний, — с абсолютно серьезным видом ответил Александр, перекрикивая вой ветра за бортом. — Ждём, пока утихнет буря. Потом ловим попутный трактор до ближайшей заправки. А впаивать мне штрафные санкции будете на нашей свадьбе.

— На чьей-чей? — подруга именинницы аж подпрыгнула на заднем диване, стукнувшись головой о потолок «Победы».

— На нашей, — твердо повторил Александр, глядя прямо в сверкающие глаза виновницы торжества. — Я же обещал, что женюсь завтра. Слово выпускника КАИ.

Девушка резко перестала смеяться. В полумраке салона, сквозь пелену утихающей пыльной бури, они несколько секунд молча смотрели друг на друга. Александр ждал, что она покрутит пальцем у виска или решит, что он окончательно сошёл с ума после неудачи в Москве. Но она лишь хитро прищурилась.

— А ты рискованный, пилот, — тихо сказала она. — Только учти: если ты шутишь, мой папа тебя из-под земли достанет. А если не шутишь... то где твоя серебряная пудреница с туманом, которой ты должен меня очаровать?

Александр внутренне вздрогнул. Про пудреницу он ей еще не заикался ни слова. Его рука сама дернулась к карману куртки...

Так я познакомился со своей первой женой Любой. В воскресенье, после того как она отмылась от пыли, я зашёл к ней, уговорил её выйти за меня замуж, и мы пошли в ЗАГС, где нас уже ждала моя мама и начальница ЗАГСа, её подруга и подчинённая. Через два – три месяца родители всё-таки уговорили меня забрать к себе в Новосибирск свою жену, как выразился папа, иначе не будет внуков. На свадьбу, на которой настаивал папа, приезжали и родители Любы. На следующий день после шумного торжества, нас молодожёнов проводили домой в Новосибирск.

Поезд «Лениногорск — Москва» мерно стучал колёсами на стыках рельсов, увозя нас с Любой из Шипунова. За окном мелькали бескрайние алтайские поля, покрытые золотом августовской пшеницы. Свадебный шум, отцовские тосты, слёзы матерей и весёлые крики гостей остались позади. В чемодане лежали нехитрые подарки, а в кармане — свидетельство о браке, оформленное по блату за один день. Папа был счастлив: его план по «заземлению» летающего в облаках сына сработал. Я же, глядя на спящую на моём плече Любу, впервые в жизни чувствовал смутную тревогу. Мой внутренний хронометр, всегда работавший с точностью авиационного прибора, молчал. Забегая вперед, я пойму: полочку для жены в своей жизни нельзя было сколотить за один вечер из упрямства. Мы были слишком разными. Мой мир состоял из чертежей, расчётов, свиста ветра в крыльях «Бланика» и той самой неземной тайны, которую я носил в кармане куртки. Люба же искала простого, понятного земного счастья.

Но этот брак подарил мне две самые главные ценности в жизни — моих дочерей, Анечку и Леночку. Ради их улыбок, ради их первых шагов я был готов расшибиться в лепёшку. Каждую свободную минуту от полётов в Бердске и работы в институте я отдавал им. Я строил для них волшебные замки из коробок, рассказывал те самые фантастические сказки со своего детского сеновала и учил смотреть на звезды.

Года шли. Наш экспериментальный аэроклуб в Бердске креп, планеры летали быстрее, а инженеры Академгородка все чаще косились на мои чертежи, в которых прослеживалась аномально идеальная аэродинамика. Серебряная пудреница, запертая в моем сейфе, словно ждала своего часа, изредка пульсируя едва заметным белым светом. Семейная жизнь с Любой постепенно превращалась в автономный полёт двух чужих людей на одном самолете. Мы не ругались, не устраивали сцен. Просто в один из дней, когда дочки уже подросли, мы сели друг напротив друга и поняли: пора сажать этот борт. Легкомыслие августовского вечера 1970 года стоило нам обоим долгих лет поисков себя. Мы разошлись мирно. Я оставил им все, что у нас было, взял свой инженерный чемоданчик, куртку и, ту самую пудреницу.

Я снова стоял на пороге новой жизни. Мне было уже под тридцать. Я больше не был тем упрямым мальчишкой, который назло отцу готов был жениться на первой встречной. Но моя клятва, данная на коряге у Волги — *«заставит космос спуститься на эту землю»* — всё ещё ждала своего исполнения. И почему-то мне казалось, что имя «Сиф», которое когда-то произнесла незнакомка в белом платье, вот-вот прозвучит снова. На этот раз — по-настоящему.

Глава 3. Абракадабра.

1968 год. По разнарядке райкома мудрой партии и, как следствие этого распоряжения, по приказу директора ИТПМ едем на картошку в подшефный колхоз. Нам, а это около тридцати молодых специалистов, выпускников авиационных вузов выделили отдельный автобус. Отдел кадров и райком КПСС считали, что от нас молодых выпускников пользы для института почти никакой, поэтому по всей стране на картошку и посылали менее нужных специалистов, вроде нас. Летом на уборку, а зимой и весной на переборку в овощехранилищах. По приезду в колхоз, я всегда шёл к директору и показывал ему свои права Тракториста-Комбайнёра широ-

кого профиля. Механизаторов у них всегда не хватало и мне обычно ещё со студенческих времён выделяли либо трактор, либо старый комбайн, который приходилось сначала приводить в божеский вид. На этот раз директор, внимательно изучив мои права, спросил кем я работаю в ИТПМ и какое у меня образование. Услышав, что я выпускник КАИ по специальности инженер-конструктор, он обрадовался, вскочил со своего места, подошёл ко мне и дружески похлопал меня по спине. «Поручаю тебе проект абракадабра, проще – арба, а ещё проще самоходный Бункер-накопитель» изрёк он возбуждённо, почти крича. Я, ничего не понимая глупо улыбаясь смотрел на него хлопая глазами. Успокоившись от возбуждения непонятного мне происхождения, он наконец объяснил мне суть вопроса. Оказывается, что в связи с нехваткой автотранспорта колхозы и совхозы области в прошлом году потеряли много добра из убранных, но не вывезенного с полей урожая. Обком получил выволочку из Москвы, райкомы, в свою очередь от обкома ну, а хозяйства от райкомов. Для решения транспортного вопроса по уборке урожая Москва поручила какому-то супер центральному московскому проектному институту решить вопрос. Там поразмыслив решили, что грузовых машин за год больше не сделать, но есть данные органов народного контроля, что в хозяйствах по всей стране стоят не в рабочем состоянии десятки тысяч комбайнов. Отремонтировать их для использования по прямому назначению уже невозможно, но как самоходное шасси – легко. Быстро нарисовали проект переделки самоходного комбайна в самоходный бункер накопитель на приём непосредственно от комбайна на поле 5-6 тонн зерна и последующей перегрузкой его в машину через шнековое устройство как у комбайна. Идея была в том, что пока машин на поле нет, комбайны на ходу разгружаются в этот самоходный бункер и работают непрерывно дальше, а уже накопитель стоит на поле и ждёт машину. Для перевозки зерна на большее расстояние чем само поле, конечно он не был рассчитан.

Директор вывалил на стол передо мной несколько листов синек и сказал, что, если я в течении десяти дней не смастерю эту абракадабру, его выгонят из партии и выше плотника его никуда не примут. Почему плотником, задал я ему глупый вопрос, который только и смог придумать. Он очумело на меня посмотрел, махнул рукой, уселся в своё директорское кресло и сказал, что на заднем дворе стоят несколько разграбленных (сейчас бы сказали: разканнибализованных) старых комбайнов, завтра он отправит мне классного сварщика, приехавшего на картошку с секретного оборонного завода из Новосибирска, а в гараже я найду любой нужный нам со сварщиком инструмент. Я сгрёб в охапку кучу чертежей и пошёл в выделенный нам со сварщиком дом на постой. Условия там были прекрасные. Отдельная комната и полный пансион, хозяйка работала поваром в столовой, но директор оказывается распорядился кормить нас или на дому, или прямо на месте производства этой абракадабры или просто арбы, как её прозвали деревенские. Вообще-то задание мне понравилось. Я всегда любил что-нибудь мастерить, а тут предстояло сварганить целый самоходный монстр, более трёх метров в высоту и ширину и весом 5-6 тонн без груза. Сварщик оказался отличным парнем и специалистом высочайшей квалификации, мы потом с ним не раз ездили на шашки и строили зерносушильные комплексы по всей области. Через десять дней я уже тестировал это чудо-юдо, разгоняя по деревне собак, кур и вызывая неопишное удивление местных жителей. Ещё когда мы строили эту арбу полдеревни приходили смотреть, как мы сначала раскидали до рамы один из комбайнов, оставив только мостик с расположенными на нём органами управления комбайном и двигатель с ремнями привода на трансмиссию, а потом водружали на него огромный бункер и все необходимые причиндалы. Бункер конечно привлекал к себе внимание необычностью своей формы клина, это было сделано для того, чтобы на его дне можно было бы смонтировать выгрузной шнек. Директор нас поблагодарил за то, что мы спасли его от райкомовской кары, доверительно сообщив, что мы первые в районе построили это чудо техники и скоро к нам приедут делегации из других хозяйств для обмена опытом и отправил меня в поле к группе комбайнов, убирающих урожай зерна. Теперь я вместе с ними, куда они, туда и я. Работа с

раннего утра и до позднего вечера, вернее ночи, пока не упадёт роса, а это происходило иногда под утро. Тогда нас везут в деревню немного поспать, а рано утром забирали обратно в поле. Четырёхразовое питание тоже привозили в поле. Кормили нас до отвала и очень вкусно, было обилие мяса и овощей.

Лежу в переполненном бункере на зерне, ловлю ласки солнечного тепла уходящего бабьего лета, скоро осень, снег, зима. Все пять комбайнов стоят с полными, как и у меня бункерами, машин нет уже часа три... Вдалеке появляется машина, таща за собой серый хвост пыли по просёлку, но это не грузовик, а Газик. Из него выскакивает шустрый мужик в галстук, значит начальник, отмечаю я и глубже зарываюсь в податливое зерно подо мной. Но он уже лезет ко мне на мостик и заглядывает в бункер.

— Почему спим? Заводи дизель и вези зерно на элеватор в город Искитим! — этот зычный командный голос оборвал мои полусонные мысли.

Передо мной стоял мужчина в строгом сером костюме, представившийся то ли вторым, то ли первым секретарем местного райкома. Вид у него был такой, словно он лично отвечал за весь мировой пролетариат. Мои попытки объяснить ему очевидные технические вещи не возымели никакого действия. Я доказывал, что это спецтранспорт, «Абракадабра» создана только для поля! Она не предназначена для дорог общего назначения. Я просто развалю по дороге все хлипкие сельские мостики, да и по улицам города эта махина с негабаритным шнеком не проедет.

Секретарь слушать не желал. Он сурово прищурился, уточнил у меня: «Ты коммунист или комсомолец?», и, не дождавшись ответа, строго, почти выкрикнул:

— Партия тебе приказывает, ты выполнить обязан!..

Я понял, что спорить с дубом бесполезно, и только спросил:

— А что мне делать, когда меня остановит ГАИ?

В ответ он молча вырвал из блокнота листок, размашисто что-то на нем черкнул карандашом, сунул мне в руку и отчеканил:

— Это твой пропуск на все непредвиденные случаи.

После чего прыгнул в свой Газик и уехал. Делать нечего. Поехал и я. Тридцать километров до города я выжимал из старого дизеля всё, что мог, растянув это удовольствие часа на два. Встречные и попутные машины шарахались от моего чудовища, объезжая по обочине, а иногда и прямо по полю. Мосты по дороге меня, хоть и со страшным скрипом, но все-таки выдержали.

Перед самым Искитимом судьба, казалось, сжалилась надо мной: из дизеля повалил густой белый пар. Я с облегчением съехал на обочину. Оказалось, что еще на поле от бешеной вибрации порвался резиновый патрубок от радиатора на дизель. Вода вылилась, а остатки ее намертво закипели. Я уже внутренне радовался, что железный повод не въезжать в город найден, и полез обратно в бункер. Но тут — дикая невезуха! К обочине подруливает знакомый Газик с тем же самым секретарем. Правда, его водитель оказался парнем запасливым и сообразительным (в райком все-таки отбирали лучших, им доверяли жизнь партийной элиты). Он мгновенно сориентировался, какими-то подручными методами и проволокой примотал оборванный патрубок, а воду мы набрали тут же, под мостиком. Путь в Искитим был открыт.

Как я ехал по самому городу — это отдельная одиссея. На въезде меня, конечно, тормознули гаишники. Но, прочитав каракули на райкомовском листке, они округлили глаза и срочно вызвали начальство. В итоге по улицам Искитима я двигался в торжественном сопро-

вождении двух машин ГАИ: одной впереди, другой сзади. Моя «арба» еле-еле протискивалась между домами. Местами приходилось буквально приподнимать провода, висевшие над дорогой, чтобы не обесточить половину квартала.

На самом элеваторе нас ждал полный тупик. На въезде стояли стандартные автомобильные весы, на которые мой «кабриолет» просто не помещался физически, да и в ворота по высоте не проходил. Начался переполох. Чтобы протиснуться, пришлось ломать забор и ехать в объезд ворот. Как уж они там в итоге вес моего зерна высчитывали по хитрым формулам — я до сих пор не знаю. Но и это был не конец истории! Все нормальные автомобили при разгрузке заезжали на специальный авто опрокидыватель. А у меня-то — выгрузной шнек! Засунуть эту громоздкую трубу куда-нибудь для выгрузки зерна было невозможно, для моей махины просто не нашлось подходящего подъезда. Пришлось мне снова доставать из кармана заветную мятую бумажку и демонстрировать её начальству элеватора. Магия райкома сработала безупречно. Через полчаса прибежала бригада — человек десять мужиков с лопатами. Они вручную перегружали мой бункер в обычную машину, потому что мой собственный шнек наотрез отказался работать — то ли из-за дикого перегруза, то ли от жутких вибраций двигателя.

Поздно вечером, уставший как черт, я в сопровождении всё той же верной ГАИ приехал наконец обратно в гараж колхоза. С меня тек мазут, уши закладывало от рева дизеля, но задание партии было выполнено.

Директор колхоза, узнав о моих приключениях, только за голову схватился и выставил мужикам из МТМ магарыч. А я для себя сделал твердый вывод. Проект «Абракадабра», конечно, показал себя жизнеспособным, но больше я от своих комбайнов дальше чем на сто метров на этой арбе не буду отъезжать. Хватило с меня Искитима. Этот рейд на Искитим оставил в моей душе неизгладимый след. Сидя ночью в каптерке МТМ и отмывая бензином руки от въевшегося мазута, я чувствовал странную смесь злости и гордости. Злости — на тупую, непрошибаемую систему партийных приказов, которая заставила авиационного инженера рисковать жизнью и техникой ради красивой галочки в отчете Райкома. А гордости — потому что моя «Абракадабра» выдержала. Скрипела, тряслась, теряла воду, но довезла эти проклятые тонны зерна. Я победил и дорогу, и Искитим, и глупость столичных проектировщиков.

Утром у ворот гаража меня ждал директор колхоза. Он выглядел так, будто у него с плеч свалилась как минимум тонна обкомовских выговоров. В руках он держал увесистый сверток с домашним салом, завернутый в газету «Советская Сибирь», и трёхлитровую банку парного молока.

— Ну, Сашок, ну, Парень, выручил! — директор крепко, по-медвежьи обнял меня, отчего у меня хрустнули ребра. — В Райкоме вчера только о твоём «кабриолете» и говорили. Ты не просто зерно спас, ты мне шею спас. Проси, чего хочешь, любую премию выпишу!

— Не надо премии, товарищ директор, — улыбнулся я, принимая алтайские гостинцы. — Вы мне лучше Газик до станции выделите. Меня в Академгородке труба ждет. Пришла шифрограмма из института — Т-326 барахлит, без меня запустить не могут.

Директор понимающе кивнул, лично довел меня до машины и долго махал рукой вслед, пока пыль проселочной дороги не скрыла контуры МТМ. Колхозная эпопея закончилась. Впереди снова был мой привычный, просчитанный до миллиметра мир высокой науки.

Через восемь часов я уже входил в главный аэродинамический зал экспериментальных установок Института Теоретической и Прикладной Механики (ИТПМ) СО АН СССР. Наша гордость — экспериментальная гиперзвуковая аэродинамическая труба Т-326 — встретила меня угрюмым молчанием. Вокруг нее суетились ведущие инженеры и бледные от напряжения аспиранты. Завтра должна была приехать высокая комиссия из Москвы для проверки модели перспективного крыла, а установка наотрез отказывалась выдавать расчётный гиперзвуковой поток. При попытке пуска автоматика просто отрубала, воздух высокого давления фиксируя

критический срыв потока в гиперзвуковом сопле, из-за недостаточного разрежения, создаваемое трёхступенчатыми эжекторами за сверхзвуковым диффузором.

— Ну что тут у вас, теоретики? — я сбросил дорожную куртку, оставшись в рабочем комбинезоне. — Опять погрязли в формулах Навье-Стокса и забыли про земную железяку?

Заведующий лабораторией подбежал ко мне, лихорадочно тыча пальцем в осциллограммы:

— Александр, понимаешь, мистика какая-то! Давление нагнетаем, клапан открывается, а на пяти Махах поток сваливается в беспорядочную турбулентность. Мы уже всю геометрию сопла перепроверили. Микроны! Все по чертежам!

Я подошел к массивному телу трубы, к её сердцу — соплу, где воздух должен был разогнаться до фантастических гиперзвуковых скоростей. Инженерный мозг мгновенно переключился с колхозного дизеля на законы газовой динамики. Я закрыл глаза и приложил ладонь к холодному металлу установки, словно пытаюсь услышать её внутренний пульс. В кармане комбинезона лежала серебряная пудреница. Я почувствовал, как металл артефакта едва заметно потеплел, словно реагируя на масштаб предстоящей технической задачи. «По чертежам, говорите? — подумал я. — Но чертежи не учитывают температурное расширение потока при резком перепаде давлений». Мой опыт безжалостного облегчения авиамоделей и расчет неуправляемых воронок на Бие кричали об одном: в системе была скрытая асимметрия.

Эта труба, гордо именовавшаяся Т-326, на самом деле была точной копией знаменитой ЦАГовской установки Т-126. И это было настоящим проклятием института. Три года. Три долгих года лучшие умы и в подмосковном ЦАГИ, и у нас в ИТПМ бились над этой мёртвой грудой, высоколегированной стали. Труба упорно отказывалась выдавать гиперзвук. При попытке разогнать поток автомата сходила с ума, фиксируя дикий срыв и турбулентность на срезе сопла. Миллионы советских рублей, тысячи человеко-часов — и всё впустую. Установка стояла как огромный, молчаливый памятник инженерному тупику. Мне хватило трех дней. Три дня я не вылезал из чертежей, перепроверяя каждый узел, каждую задвижку и каждый сварной шов. Внутренний планировщик, натренированный еще в детстве на алтайском сеновале, раскладывал векторы газовых потоков по полочкам. Мой главный авиамодельный принцип — *безжалостное облегчение конструкций ради идеального парения* — здесь кричал во весь голос. Столичные проектировщики перестраховались. Они заковали живой воздушный поток в такое количество дублирующих узлов, переходников и тяжелых стабилизаторов, что воздух просто задыхался, не успевая набрать критическую скорость. А трёхступенчатая система эжекторов не выдавала требуемого разрежения. На четвёртый день я пошёл к директору ИТПМ — академику Владимиру Васильевичу Струминскому.

Глава 4. МАПовская закалка.

Административный блок главного аэродинамического корпуса Института Теоретической и Прикладной Механики встретил Александра запахом свежей краски, масляных радиаторов и того особого, сухого бумажного воздуха, который рождается только в помещениях теоретиков. Завтрашний день, который на коряге у Волги казался далёким фронтиром, наступил. В кармане куртки лежал диплом КАИ, значок КМС по мотокроссу и таинственная серебряная пудреница, которая вела себя подозрительно тихо. На втором этаже в приёмной, перед массивной дверью с табличкой «Директор ИТПМ СО АН СССР академик В. В. Струминский», сидела молодая симпатичная бледная секретарша. Она посмотрела на 23-летнего выпускника с искренним сочувствием.

— Вы к Владимиру Васильевичу? — прошептала она, косясь на дверь. — Заходите. Он у себя. Только... аккуратнее. У него сегодня смежники из Перми план по форсункам сорвали.

Струминский имел железную, незыблемую привычку: он никогда не доверял бумажным характеристикам отдела кадров. Каждого нового инженера, каждого вчерашнего студента, прибывшего по распределению, директор прокручивал через личное собеседование. Это было не просто интервью — это было боевое крещение, психологическое сито, где Струминский ломал хребты юношескому апломбу, проверяя, есть ли под институтским значком настоящий инженерный стержень или там обычный карьерист.

Александр глубоко вдохнул, отсек лишнее волнение и толкнул тяжёлую дубовую дверь.

Кабинет Глыбы. Кабинет директора ИТПМ был огромным, но казался тесным из-за нагромождения чертежей, продувочных моделей крыльев и тяжелых деталей из титана и нержавеющей стали, служивших пресс-папье. За монументальным столом, заваленным шифровками под грифом «Особая важность», сидел сам академик Струминский. Владимир Васильевич не просто возглавлял институт — он был легендой Министерства Авиационной Промышленности. Человек, прошедший суровую школу предвоенных КБ и эвакуации, работавший бок о бок с Яковлевым, Ильюшиным и Туполевым. В его осанке, в резких движениях тяжелых рук чувствовалась та самая, знаменитая «МАПовская закалка» — жёсткая, бескомпромиссная школа выживания авиапрома, где за срыв сроков по новой машине не просто объявляли выговор, а могли стереть в порошок. Струминский не ограничивался изящным литературным слогом. Когда дело касалось физики потока или разгильдяйства смежников, академик переходил на такой сочный, многоярусный и бритвенно-острый производственный язык, от которого у рафинированных московских профессоров закладывало уши.

Директор не поднял головы, когда Александр вошёл. Он продолжал яростно чертить красным карандашом прямо поверх какого-то графика.

— Садись, казанский самородок, — глухо, с хрипотцой бросил Струминский, не глядя на парня. — Карту твою лётную из ДОСААФ я читал. Диплом КАИ видел, про твои мотогонки наслышан. Слесарем на заводе Горбунова, значит, заклепки бил? Это хорошо. Значит, руки не из задницы растут. Но мне в ИТПМ слесаря без мозгов не нужны. У меня тут наука, парень. Оборонная, мать её, тематика. А ну-ка, скажи мне, нахрена ты в дипломе трансзвуковой профиль крыла пересчитал вопреки методикам ЦАГИ? Ты что, умнее академика Келдыша себя посчитал, шенок?!

Струминский резко поднял голову и в упор уставился на Александра своими тяжёлыми, пронзительными глазами.

Дуэль на Махах. В кармане Александра пудреница мгновенно отозвалась частой, тревожной вибрацией, но ментальный радар, закалённый падением из обломков «Бланика» в грозу, сработал безупречно. Александр считал из головы академика вовсе не желание его унижить. Там горела дикая, изнуряющая ярость сильного лидера, которому до смерти надоели трусливые, заглядывающие в рот выпускники, пишущие диссертации ради галочки. Струминский искал зубастого хищника, способного драться за результат. Александр не опустил глаза. Он подался вперед, опёрся ладонями о край директорского стола, прямо перед носом академика, и спокойно, но твёрдо ответил:

— Потому что методики ЦАГИ, Владимир Васильевич, писались для прямых крыльев, а мы строим гиперзвук. Если считать по их формулам, на Махе-15 у вас пограничный слой воздуха превратится в плазму и сожрёт обшивку нахрен, вместе с вашими датчиками давления! Я убрал из расчетов три переходных интеграла, которые они тянут из тридцатых годов как священную корову. Схема стала проще, а точность расчета пограничного слоя выросла на пятнадцать процентов. Вы думаете, всё так просто — считать по старым талмудам и надеяться на русский авось? Да, просто. Но совсем не так!

Струминский замер. Красный карандаш в его пальцах хрустнул и переломился пополам. В кабинете повисла звенящая, мёртвая тишина. Секретарша за дверью, наверное, уже мысленно вызвала Александра скорую или конвой. Академик медленно поднялся в полный

рост. Его фигура нависла над столом. Лицо Струминского налилось багровым цветом, а брови сошлись у переносицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.